СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XCV, № 2.

В. М. Тростянскій.

КЪ ИЗУЧЕНІЮ МѢСТНЫХЪ ГОВОРОВЪ ВЪ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1916.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Февраль 1916 года.
Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 1

Введеніе. 1

Малорусское вліяніе на формацію мѣстнаго говора. 4

Глава первая. Гласные звуки 6

Глава вторая. Употребленіе согласныхъ звуковъ въ мѣстномъ говорѣ. . . . 10

Глава третья. Формальныя особенности и черты мѣстнаго говора, выражающіяся въ падежныхъ измѣненіяхъ и степеняхъ сравненія. 15

Глава четвертая. Оттѣнки и черты мѣстнаго говора, выражающіеся въ спряженіяхъ глаголовъ. 19

Глава пятая. Мѣстныя особенности говора 20

Глава шестая. Мелкія явленія изъ области мѣстныхъ особенностей 25

Къ изученію мѣстныхъ говоровъ въ Воронежской губерніи.

Предисловіе.

Главная задача моего очерка — описать и, по возможности, точно и наглядно представить черты и особенности говора сѣверозападнаго уголка Воронежской губерніи, обнимающаго собою села: Вéрхній Ломовѐцъ, Нижній Ломовѐцъ, деревню Кòжинку, Долгýшу, Колàбино, Нерёжу, Дегтевòе, Сцѣпное, Вйслую Поля́ну, Большýю Поля́ну, Малйново, Ка́менку — Землянскаго уѣзда и Ксйзово, Ста́рое Дубовье́, Хлѣвное, Дòлъ — Задонскаго уѣзда. Всѣ поименованныя села по говору и населенію искони принадлежатъ къ великорусскимъ; при чемъ отчетливо слышится «*àканье*» во всѣхъ тѣхъ случаяхъ говора, гдѣ въ устахъ населенія сѣверовосточныхъ губерній Россіи слышится обратное ему «*оканье*».

Я не могу вполнѣ ручаться, что подмѣченныя мною черты и особенности мѣстнаго говора будутъ переданы мною съ полной научной ясностью и точностью; я только изложу эти особенности въ томъ видѣ, какъ они представляются моему непосредственному и долгому наблюденію.

Введеніе.

Прежде всего замѣтимъ, что въ описываемомъ мною говорѣ весьма ясно замѣтны два противоположныхъ, два борющихся между собою теченія или направленія. Одно — давнее, изстари

вѣками установившееся и потому болѣе коренное и устойчивое. Это теченіе, такъ сказать, консервативнаго характера; въ немъ выражается стремленіе сохранить — удержать старые обычные формы и пріемы говора, пріемы своихъ отцевъ, предковъ. Это обычные пріемы чистаго народнаго, коренного говора.

Съ другой стороны нерѣдко можно слышать иной говоръ, какъ-бы нѣсколько приближающійся къ обычному мѣщанскому, или даже литературному. Это новое вѣяніе привноситъ въ область стараго говора новое поколѣніе, болѣе воспріимчивое ко всякой новизнѣ. Въ отхожихъ промыслахъ по южнымъ губерніямъ и городамъ, на военной службѣ, а также въ нашихъ сельскихъ школахъ оно находитъ для себя благопріятную почву. Можно съ каждымъ годомъ непосредственно все болѣе и болѣе убѣждаться, что въ мѣстномъ говорѣ совершается какой-то особый новый процессъ, далеко не похожій на прежній, происходитъ что-то неожиданное и не всегда понятное для старозавѣтныхъ людей. Иначе и быть не можетъ. Исторія идетъ по неумолимымъ законамъ естественнаго развитія. Mutantur tempora, mutantur et homines in illis. Съ появленіемъ на сценѣ жизни новыхъ поколѣній, новыхъ условій и формъ жизни долженъ былъ по естественному ходу вещей измѣниться и самый говоръ, какъ естественный отпечатокъ происходящихъ общественныхъ перемѣнъ жизни. Ломаются или шлифуются старые устои и привычки жизни, за одно съ ними измѣняется и все, что было связано съ этими устоями и привычками.

Старыя поколѣнія, сознавая, что ихъ роль кончилась вмѣстѣ съ ихъ прошлою жизнію, должны были по необходимости уступать широкую просторную дорогу нарождающимся поколѣніямъ, съ которыми они бороться не въ силахъ по причинѣ неравенства силъ. Однако, въ силу естественной и долгой привязанности ко всякимъ старымъ формамъ и привычкамъ жизни, они остаются вѣрными всему старому, ими самими установленному. Съ другой стороны, тѣсное и непосредственное сближеніе съ новыми людьми новыхъ поколѣній невольно, такъ сказать, захлёстываетъ ихъ

своей стихійной волной. Отсюда съ ихъ стороны нѣкоторая уступка, выражающаяся въ безсознательномъ, хотя и слабомъ подражаніи всему новому.

Тоже наблюдается и въ новыхъ поколѣніяхъ. Не желая усвоять уже отживающіе свою пору вкусы и привычки, новыя поколѣнія стремятся обособиться отъ стараго, создать свой особый міръ; но такъ какъ, опять-таки въ силу естественнаго и постояннаго соприкосновенія съ ними, они не могутъ окончательно обособиться, то отсюда глухая и неопредѣленная борьба со всѣмъ старымъ. Въ такомъ видѣ представляются отношенія двухъ противоположныхъ между собой лагерей — старыхъ и новыхъ поколѣній.

Итакъ, границы между говорами старыхъ и новыхъ поколѣній до нѣкоторой степени опредѣленны. Весьма трудно и, пожалуй, невозможно съ неопровержимой точностью указать границы между двумя противоположными говорами вслѣдствіе ихъ, можно сказать, органической связи. Поэтому намъ только придется показывать просто ихъ различіе на основаніи фактическихъ данныхъ, какъ вѣрныхъ признаковъ разнохарактерныхъ говоровъ. Ясно только, что каждое изъ указанныхъ поколѣній въ отношеніи стараго порядка вещей и въ частности, — говора стремится какъ-бы обособиться, и каждое изъ нихъ, однако, безсознательно поддается взаимному вліянію. Старозавѣтные люди, не желая воспринимать новыхъ пріемовъ говора, стараются удержать свои прежніе пріемы. Новыя поколѣнія, не создавъ твердаго устойчиваго новаго говора, по необходимости, пока пользуются старымъ матеріаломъ, не переставая въ тоже время реформировать его по своему.

Вотъ борьба прогрессивнаго начала съ противоположнымъ ему началомъ регрессивнымъ. Неизвѣстно, чѣмъ кончится эта томительная неопредѣленность въ направленіи говоровъ, или какіе результаты окажутся впослѣдствіи отъ столкновенія и борьбы двухъ противоположныхъ между собою началъ.

Въ данный моментъ мы ограничимся пока указаніемъ нѣ-

сколькихъ словъ и отдѣльныхъ выраженій, характеризующихъ два направленія мѣстнаго говора: напр., слово «*всегда*» имѣетъ двоякое употребленіе въ мѣстномъ произношеніи[1]): зāвся́гды и ўсягдà; пя̄тàкъ и пйтàкъ; *немного* = нямнўóга и ниймнóга; *бѣжать* = бѣжàть и бижàть; *говоритъ* = гутàря и гàвăрйть; *несетъ* = нёсѐ и нисѐть; *ведётъ* = вёдѐ и видѐть. Выраженія: *Чего тебѣ надо?* Чёгŏ табіѐ нàдā? и «Чйво тйбѐ пăдằ»? *Въ Петербургѣ жизнь веселая* = «У Пйтя̄нбўрги жисть вёсѐлая» и «У Питирбўрги жѝзнь вйсѐлая»; *Онъ идетъ и пѣсни поетъ* = Он йдя и пі̀ѐсни пёѐ и Он йдѐть и пі̀ѐсни паѐть[2]).

Есть и такія выраженія, которыя исключительно свойственны молодому поколѣнію; въ устахъ стараго поколѣнія такихъ выраженій нельзя услышать, напр.: «Савиршѐнна вѣ̀рна вы̀ извўòлитя гàвăрйть», «Чйво вàм адалжи́ть?», «Мы̀ прикрàсна и раскòшна тàм жйвѐм», или «Канѐчна, бувàть и тàк, но, э́фта рі̀ѐжа случа̀итца» и т. д.

Частнѣе разнохарактерности эти обнаружатся въ теоретическомъ изложеніи разбираемаго вопроса.

Малорусское вліяніе на формацію мѣстнаго говора.

Я представилъ бы неполную характеристику нашего говора, если бы не упомянулъ еще объ одномъ факторѣ, такъ или иначе вліявшемъ на мѣстный говоръ, именно о *малорусскомъ вліяніи*.

Говоря о малорусскомъ вліяніи на формацію мѣстнаго говора, мы не можемъ по имѣющимся у насъ даннымъ отводить этому вліянію какую-либо особенную, важную роль. Лѣтъ сорокъ — пятьдесятъ тому назадъ, вслѣдствіе частыхъ сообщеній малоруссовъ съ мѣстными сельчанами-великоруссами, это вліяніе ощущалось всѣми довольно ясно и замѣтно. Проѣзжая по «Большой» торговой дорогѣ изъ Курской и Харьковской губерній черезъ Воронежъ на Елецъ[3]) Орловской губ. съ нагруженными

1) ¯ означ. долготу, ˘ — краткость, · — смягченіе.

2) Букву «ѣ» и «ъ» намѣренно опускаю для большихъ удобствъ при транскрипціи.

3) Елецъ вслѣдствіе своего счастливаго географическаго положенія или

обозами, или проходя по ней со своими гуртами разнаго скота, они при остановкахъ не разъ сталкивались съ жителями великорусскихъ селъ, группами расположенныхъ по берегамъ «Большого тракта», бесѣдовали съ ними, дружились на разной почвѣ и такъ или иначе оставляли у нихъ слѣды своихъ посѣщеній. Тоже самое явленіе наблюдалось и по линіи шоссейной Воронежско-Задонской дороги, по которой направлялись малорусскіе богомольцы на поклоненіе мощамъ св. Тихона Задонскаго въ уѣздный городъ Задонскъ, Воронежской губерніи. Но со временемъ это сообщеніе становилось все болѣе и болѣе рѣдкимъ. Обозы малороссовъ, вѣроятно, вслѣдствіе перемѣщенія торговыхъ пунктовъ стали отливать въ другую сторону, минуя наши окраинныя великорусскія села, а малорусскіе богомольцы тоже, вѣроятно, вслѣдствіе перемѣны путей сообщенія, — когда прошла Орловско-Грязская ж. д., значительно сокращавшая и измѣнявшая прежній путь — также должны были перенести центръ тяжести своего сближенія въ другую сторону. Этотъ поворотный пунктъ малорусскаго вліянія сталъ замѣтенъ приблизительно въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Сношенія эти и до сихъ поръ не прекращаются для тѣхъ, кто занимается отхожими промыслами въ южныхъ придонскихъ губерніяхъ, пограничныхъ съ малорусскими губерніями, но вліяніе этихъ сношеній слишкомъ слабо, чтобы оно могло бороться съ разнохарактерными говорами, среди которыхъ приходится вращаться нашимъ рабочимъ промышленникамъ.

Такъ мало-по-малу стало забываться или ослабѣвать малорусско-великорусское сближеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и естественно стали стушевываться и самые слѣды этого сближенія. Отсюда можно говорить о малорусскомъ вліяніи на мѣстный говоръ лишь въ очень скромныхъ границахъ.

Изъ того, что было сказано о сношеніяхъ малороссовъ съ

точнѣе вслѣдствіе того, что онъ является въ торговомъ отношеніи крѣпкимъ звеномъ между Сѣверомъ и Югомъ Россіи, и до сихъ поръ не утратилъ своей важной роли, какъ торговый пунктъ.

мѣстными великоруссами, мы можемъ вывести слѣдующее положеніе: малорусское вліяніе несомнѣнно отразилось на формаціи мѣстнаго говора, но отразилось въ очень незначительной степени. Поэтому мы отмѣтимъ лишь частичныя явленія малорусскаго вліянія на складъ мѣстнаго говора. Это вліяніе частію выразилось въ заимствованіи малорусскихъ пѣсенъ (передѣланныхъ, конечно, на великорусскій ладъ), частію въ разговорной прозаической рѣчи. Такъ, употребительны въ мѣстномъ говорѣ слѣдующія слова: *барша́* — искаженное малорусское — *бо̀рщ*, *шука̀ть* (искать), *хова̀ть* (прятать, хоронить), *нызлја̀* (нельзя), *заробѝть* (малорусское «заробѝти» — заработать), *похилѝться* (малорусское «похилы̀тцја» — погнуться), *неха̀й* (пусть) и др. Сюда также можно отнести формы 2-го и 3-го лицъ един. числ. настоящ. врем. нѣкоторыхъ глаголовъ, напр.: *нестѝ* — нēсѐшь, — нēсѐ; *вестѝ* — вēдѐшь, — вēдѐ[1]). Затѣмъ окончаніе неопр. накл. *тѝ* вм. *ть* можно встрѣтить въ пѣсняхъ: пла̀ка̄-*ти*, ры̄да̀-*ти*, да̄ри-*ти* и пр. Пѣсни «Ой зеленый дубе, чого похилився» и «Ой ходів чумак, да ходів бурлак семь літ по Кріму» и др. тоже цѣликомъ заимствованы у малоруссовъ.

Вотъ тѣ немногіе факторы, на основаніи которыхъ мы осмѣливаемся утверждать несомнѣнное вліяніе малорусскаго нарѣчія, сказавшагося на мѣстномъ говорѣ.

Глава первая.

Гласные звуки (звукъ «а»).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи занимающаго насъ вопроса мы постараемся на основаніи фактическихъ данныхъ, какъ можно полнѣе и нагляднѣе, изобразить всѣ оттѣнки и черты нашего мѣстнаго говора. Начнемъ съ гласныхъ звуковъ. Раньше при общей характеристикѣ мѣстнаго говора было упомянуто, что су-

1) Только звукъ «е» здѣсь слышится мягко, а не твердо, какъ въ малорусскомъ говорѣ.

щественную его черту составляетъ такъ называемое «*а̀канье*». Скажу еще частнѣе: звукъ «*а*» въ описываемомъ говорѣ всегда слышится на мѣстѣ неударяемаго звука «*о*», напр.: агòнь (огонь), вадà (вода), òстрав (остров), сапагѝ (сапоги), кòлакал (колокол), галавà (голова), а въ пѣсняхъ — галáва, — звукъ «*а*» почти скрадывается при пѣніи. Въ силу этого же положенія и въ нарѣчіяхъ, оканчивающихся на неударяемое «*о*» всегда употребляется тоже «*а*», напр.: бóльна вм. больно, дýрна вм. дурно, хѝтра вм. хитро и т. д. Иногда «*а*» измѣняется въ сродный ему звукъ «*я*», если ему предшествуетъ мягкій слогъ, напр.: свѣчка произносится какъ свіèчкя[1]); печка — пѐчкя; тачка — тà̀чкя; жвачка — жвà̀чкя; кучка — кýчкя; дурочка — дýрáчкя; свайка — свà̀йкя; шайка — шà̀йкя; мойка — мòйкя и т. д.

Звукъ «о».

Относительно гласнаго звука «*о*» надо замѣтить, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ находится подъ слоговымъ удареніемъ, его весьма рѣдко можно слышать, какъ таковой звукъ — безъ измѣненій, а обыкновенно къ нему примѣшивается какъ бы вставочное кратко «*ў*», напр.: молоко — малакўо; корова — карўова; поп — пўоп; конь — кўонь; стол — стўол и т. д. Относительно постановки ударенія намъ придется нѣсколько оговориться. Дѣло въ томъ, что въ вышеприведенныхъ и подобныхъ имъ случаяхъ ударéніе можетъ занимать двоякое положеніе: или надъ звукомъ «*о*», какъ въ данномъ случаѣ, или же надъ вставочнымъ «*ў*». Изъ нашихъ наблюденій надъ мѣстнымъ говоромъ можно безошибочно вывести слѣдующее положеніе: когда слова съ ударяемымъ звукомъ «*о*» произносятся довольно скоро, ускореннымъ темпомъ, то ударéніе остается надъ самимъ звукомъ «*о*»; но бываютъ случаи, хотя значительно рѣже, и замедленнаго, растянутаго и даже

1) Знакъ ◡ вверху — означаетъ краткость, такой же знакъ внизу — означаетъ дифтонгъ съ повышающимся удареніемъ; знакъ ’—означаетъ коронисъ; точка вверху (·) смягченіе; черта въ скобкахъ (-)—неизмѣняемое произношеніе.

пѣвучаго произношенія этихъ словъ; тогда ударепіе перемѣщается на вставочное «ў» и получается уже иного рода транскрипція: молоко = мāлāкўо, дорога = дарўога и т. д.

Но такъ какъ, повторяю, съ случаями перваго рода мы встрѣчались чаще всего, то и мы будемъ примѣняться вездѣ въ своей транскрипціи къ болѣе или менѣе общепринятому произношенію.

Наряду съ только что указаннымъ слоговымъ приращеніемъ къ ударяемому звуку «о» встрѣчается, — хотя очень рѣдко — и обычное произношеніе безъ указанной особенности, напр. тòпь произносится неизмѣнно: топь (—); почь = нòчь (—); дом = дòм (—); пот = пòт (—); точно также произносятся слова: соль (—), а не сўòль; хлопья (—), а не хлўòпья; рòт, а не рўот, какъ слѣдовало бы ожидать, разъ мы встрѣчаемся съ ударяемымъ звукомъ «о».

Какимъ образомъ возникло это отступленіе отъ общепринятаго обычая растягивать звукъ «о» вставочнымъ «у» — трудно объяснить. Если бы это отступленіе касалось лишь односложныхъ словъ, то тогда легко можно было-бы вывести опредѣленное правило. Но этого, какъ мы видѣли, нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Поэтому указанное затрудненіе остается въ своей силѣ: почему же въ однихъ случаяхъ односложныя слова съ ударяемымъ звукомъ «о» удлиняются въ произношеніи вставочнымъ «у», а въ другихъ — нѣтъ? Вопросъ остается открытымъ; и едва ли можно надѣяться на его разрѣшеніе. Вѣроятно, здѣсь повторяется одно изъ тѣхъ непонятныхъ явленій въ области филологіи, причины которыхъ таятся въ таинственной глубинѣ физіологическихъ особенностей языка вообще и — разныхъ говоровъ въ частности.

Звукъ «о» выпадаетъ или поглощается, если ему предшествуетъ тоже гласный звукъ, напр.: на огородѣ = на' гарўòдя и на' гарўòди, на окнѣ = на' кніѐ; на ометѣ = на' мѐтя и на' мёти и т. под. Кромѣ того иногда «о» переходитъ въ «у», напр.: сосѣдъ = сусіѐт; содержать = судержàть; состоять = сустаять; сомнѣваться = сумлевàтца (надо замѣтить, что въ мѣстномъ говорѣ слово «сумлеватца» означаетъ болѣе состояніе

безпокойства, заботы, волненія, чѣмъ просто сомнѣніе). Изъ приведенныхъ данныхъ можно заключить, что только неударяемое «о» иногда превращается въ «у» и притомъ въ двусложныхъ и вообще многосложныхъ словахъ.

Звукъ ѣ — е.

Звукъ *ѣ* или *е* всегда произносится съ сопутствующимъ ему звукомъ «*і*» краткимъ и что-тоже *jot*, когда находится подъ непосредственнымъ удареніемъ. Что же касается положенія ударенія въ такихъ словахъ, то здѣсь можно вкратцѣ повторить то, что было сказано объ ударяемомъ звукѣ «*о*», т. е. при медленномъ произношеніи словъ ударение перемѣщается на вставочный или сопутствующій звукъ, при обыкновенномъ же — общеупотребительномъ — оно остается надъ главнымъ звукомъ ударяемаго слога, въ данномъ случаѣ надъ звукомъ «*ѣ*» или «*е*», напр.: лѣс = лі͡ес; хлѣб = хлі͡еп; цѣп = ці͡еп; дѣло = ді͡ела; сѣмя = сі͡емя; сѣно = сі͡ена; смотрѣть = сматрі͡еть; бѣлый = бі͡елай; мелкій = мі͡елкай; качели = качі͡ели; мель = мі͡ель и пр.

Наблюдали также (хотя рѣдко) случаи перехода звука «*ѣ*» въ «*а*», напр.: цѣловать = цаловàть; цѣлковый = цалкўòвай; цѣпочка = чапòчкя.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и «*е*» замѣняется звукомъ «*а*», напр.: ангел = àнгаль; херувим = харуйм; генерал = енарàл; февраль = хаврàль.

Неударяемое «*ѣ*» или «*е*» почти всегда замѣняется въ мѣстномъ говорѣ звукомъ «*я*», напр.: весло = вяслўò; везу = вязў; серберина = сербярйна; весной = вяснўòй; лѣнивый = лянйвай; плѣшивый = пляшйвай; сѣку = сякў и пр. Съ другой стороны, нерѣдко мы встрѣчаемся съ случаями обычнаго произношенія подобныхъ словъ, напр.: дерèвня (—), берегà, семенà, бедà, стенà, пеленà, лебедà и др.

Звукъ у — ю.

Звукъ «*у*» и соотвѣтствующее ему «*ю*» за исключеніемъ немногихъ случаевъ, остаются безъ измѣненія. «*У*» переходитъ въ «*ю*» только въ томъ случаѣ, если окончанію слова предшествуетъ мягкій слогъ, напр.: чайку = чайкю̀; рѣдьку = рѐтькю; свѣчку = свіѐчкю и т. д.; тогда какъ въ словахъ: шкурку, бу̀лку, стенку, рамку «*у*» остается неизмѣннымъ.

Въ немногихъ словахъ «*у*» въ мѣстномъ произношеніи переходитъ иногда въ «*а*», напр.: омутъ = о̀ма̄т.

Звукъ «э».

Звукъ «*э*» слышится въ нашей мѣстности гораздо мягче обычнаго произношенія и приближается даже къ мягкимъ звукамъ «*е*» или «*я*», напр.: этотъ = ѐта̄т или ѐнта̄т; этажъ = е̄(я)та̄ш; экзаменъ = е(я)кзамент; слышится въ этихъ и подобныхъ имъ словахъ что-то среднее между «*е*» «*я*».

Звукъ «я».

Замѣчательно, что звукъ «*я*» остается неизмѣннымъ въ мѣстномъ произношеніи какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ говорѣ интеллигентныхъ лицъ онъ измѣняется въ «*е*». Такъ слова ря-бі̀на (—), пя̄та̀к (—), я̄зы̀к (—), ча̀сы̀ (—) произносятся неизмѣнно; между тѣмъ какъ изъ устъ интеллигентныхъ людей можно нерѣдко слышать рѐбі̀на вмѣсто ря̀бі̀на, езы̀к вм. языкъ, чесы̀ вм. часы̀, пета̀к вм. пята̀к. И только въ немногихъ словахъ звукъ «*я*» замѣняется звукомъ «*е*», напр.: ячмень = ѐчмѐнь; вязать = везà̀ть; плясать = плѐса̀ть и т. д.

Глава вторая.

Употребленіе согласныхъ звуковъ въ мѣстномъ говорѣ.

Звуки «б» и «п».

Звукъ «*б*» какъ въ произношеніи интеллигентнаго класса людей въ концѣ словъ (предъ твердымъ знакомъ), а также въ сере-

динѣ словъ передъ согласнымъ, слышится какъ сродный ему «*п*», напр.: дубъ = дỳп; грибъ = грѝп; хлѣбъ = хлі̯ѐп; коробка = карỹòпка; робкій = рòпкай; передъ гласнымъ звукомъ — «*б*» возстановляется: дубы̀ (—), грибы̀ (—); бобы̀ = бабы̀ и т. д.

Звуки «в» и «ф».

Звукъ «*в*» почти во всѣхъ случаяхъ сохраняется въ своемъ чистомъ неизмѣнномъ видѣ, напр.: сова = савà; дрова = дравà и т. д.; только въ серединѣ словъ передъ согласнымъ звукомъ, а также въ концѣ словъ передъ мягкимъ знакомъ слышится сомнительный звукъ, болѣе какъ-бы приближающійся къ «*ф*», напр.: любовь = любỹòв(ф)ь; кровь = кров(ф)ь и т. д. Нужно все-таки замѣтить, что такое мягкое произношеніе звука «*в*» въ концѣ словъ съ мягкимъ окончаніемъ можно услышать только въ устахъ новыхъ молодыхъ поколѣній. Старыя поколѣнія довольно отчетливо произносятъ звукъ «*в*», не смѣшивая его и не измѣняя въ сродный ему «*ф*», напримѣръ, въ словахъ: Кòмав, Пятрỹòв, лянѝв, спясѝв, пòвь, брòвь и т. д. — звукъ «*в*» слышится ясно.

Далѣе, когда звукъ «*в*» стоитъ въ началѣ словъ, то онъ замѣняется звукомъ «*у*» въ мѣстномъ произношеніи. Такъ, вмѣсто «вдова» говорится «удăвà»; весь = ỹвѐсь; всякій = ỹся̀кай; вдернуть = ỹдѐрнуть; второпяхъ = утарапя̀х и т. д. И только слово «взнуздать» по особенностямъ діалектическихъ пріемовъ нашихъ сельчанъ отступаетъ отъ вышеуказаннаго положенія. Вмѣсто «взнуздать» у насъ употребляется болѣе растяжимый по звукамъ глаголъ замуздàть.

Точно также и предлогъ «*въ*» всегда замѣняется предлогомъ «*у*», напр.: въ городѣ = у гòрăдя̄(и); въ саду = у садỳ; въ хатѣ = у хàтя(и).

Звукъ «*ф*» (*ѳ*) совершенно не употребляется въ мѣстномъ произношеніи. Его замѣняетъ чаще всего удвоенное «*хв*» и только иногда звукъ «*х*», напр.: Ѳеодоръ = Хвѐдăр; Филиппъ = Хвилѝпп; фабрика = хвàбрика; фунтъ = хвỳнт; фонтанъ = хвăн-

тàн; Фальшь = хвàльша; Февраль = хаврàль; Ѳома = Хамà; Фролъ = Хрўòл; флагъ = хлàк и т. д.

Звуки «г», «к», «х».

Звукъ «*г*» въ мѣстномъ произношеніи занимаетъ середину между твердымъ произношеніемъ нѣмецкаго «*g*», скорѣе приближающагося къ сродному ему звуку «*к*» (въ устахъ не вполнѣ обрусѣвшаго нѣмца ясно можно слышать звукъ «*к*» въ словахъ луг(к), г(к)аварить, г(к)ород) и болѣе мягкимъ «*h*», почти въ нѣкоторыхъ случаяхъ исчезающимъ или приближающимся къ звуку «*ch*» — русск. «*х*». Звукъ «*г*» въ словахъ Gut, Geld, geben и др. по своему слишкомъ твердому произношенію покажется нѣсколько рѣзкимъ и страннымъ нашимъ сельчанамъ, а въ словахъ Honig, haben, Herz и т. под. они услышатъ знакомый имъ звукъ «*х*», но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ они не будутъ подозрѣвать присутствія звука «*г*». Въ мѣстномъ говорѣ этотъ звукъ во всѣхъ случаяхъ и сочетаніяхъ произносится мягко, плавно и свободно. Такое именно произношеніе этого звука слышится въ словахъ: городъ = гóрăт; гумно = гумнўò; погода = пагўòда и др. Ужъ если подводить звукъ «*г*» подъ аналогію съ подобнымъ ему звукомъ, то удобнѣе всего, мнѣ кажется, съ латинскимъ «*h*». Латинское «*h*» въ словахъ homo, humus, habeo и т. п., какъ нельзя лучше, соотвѣтствуетъ мѣстному произношенію звука «*г*».

Что было сказано о переходныхъ сомнительныхъ звукахъ «*б*» и «*п*», можно отнести и къ звуку «*г*». Въ серединѣ словъ предъ согласнымъ и въ концѣ словъ (предъ твердымъ знакомъ) этотъ звукъ всегда смягчается въ «*х*», напр.: легкій = лёхкай; мягкій = мя̀хкай; порогъ = парўòх; кругъ = крўх; другъ = дрўх и т. д. Но иногда «*г*» переходитъ въ сродный ему звукъ «*к*», напр. цугомъ = цўкам; флагъ = хлàк и др. Предъ гортаннымъ глухимъ звукомъ «*к*», а равно и передъ зубными «*д*» и «*т*» звукъ «*к*» превращается въ «*х*», напр.: къ кому онъ пошелъ? = х' камў

он пашѐл; къ тебѣ = х' табіѐ; къ куму = х' ку̀му; кто здѣсь = хто здіѐся(ь); къ дому = х' до̀му и т. д.

Звукъ «*х*» произносится обычно.

Звуки «д» и «т».

Звукъ «*д*» не всегда удерживается въ произношеніи. Онъ замѣняется или носовымъ звукомъ «*н*» или же вовсе выпадаетъ передъ нимъ, напр.: кидать = кина̀ть; поздній = пўо̀зней — «*д*» выпало.

Звукъ «*т*» не представляетъ какихъ-либо особенностей. Онъ произносится открыто, чисто, безъ сліянія съ какими-либо другими посторонними звуками, какъ, напр., въ бѣлорусскомъ нарѣчіи. Таковы слова: тепѐрь, а не т̇иперь; телка, а не тсёлка. Правда, есть одно мелкое явленіе, нѣсколько напоминающее особенность бѣлорусскаго произношенія звука «*т*», напр. слово «тѣнь» по мѣстному произношенію стіѐнь. Но это явленіе слишкомъ единично, чтобы изъ него можно было вывести какое-либо опредѣленное общее положеніе.

Звуки «з» и «с».

Эти звуки во всѣхъ сочетаніяхъ не измѣнны. Только относительно звука «*с*» надо нѣсколько оговориться. Когда (въ началѣ словъ) за нимъ непосредственно слѣдуютъ звонкіе звуки «*д*» и «*б*», тогда онъ для удобства произношенія замѣняется соотвѣтствующимъ звукомъ «*з*», напр.: сбавить = зба̀вить; сдумать = зду̀мать и т. д.

Звуки «ц» и «ч».

По своему произношенію звукъ «*ц*» значительно отличается отъ малорусскаго «*ц*». Въ словахъ: ку́рица (—), у́лица (—), царапать и въ др. пад. звукъ «*ц*» слышится твердо, какъ отдѣльный самостоятельный звукъ. Это не то, что въ малорусскомъ произношеніи улицја, курицја, гдѣ звукъ «*ц*» какъ-бы расплавляется на нѣсколько звуковъ (тсја̀ — тся̀), измѣняя собой и са-

мое произношеніе окончанія слова. Впрочемъ, бываютъ случаи, когда звукъ «*ц*» смягчается до того, что переходитъ въ сродное ему «*ч*». Можно, пожалуй, здѣсь предположить вліяніе малорусскаго нарѣчія, которое, какъ и въ другихъ случаяхъ, несомнѣнно сказывалось на формаціи мѣстнаго говора. Для примѣра приведу нѣсколько словъ: цапля — по мѣстному — чàпля; церемонія = черямýòнія; цѣпь = чѣпь; цѣпочка = чепòчкя; цынга = чингà.

Звукъ «*ч*» не вездѣ удерживается въ корнѣ словъ. Иногда онъ выпадаетъ или замѣняется сроднымъ ему звукомъ «*ш*», напр.: конечно = канѣшна (канёшна и канюшна); скучно = скýшна; молочный = малýòшнай; поперечный = паперёшнай и папирёшнай; порядочный = парядашнай.

Звуки «ж», «ш», «щ».

Въ большинствѣ случаевъ звукъ «*ж*» произносится твердо и остается неизмѣннымъ въ сочетаніяхъ звуковъ. Но иногда, вѣроятно, для большей легкости и удобства произношенія онъ переходитъ въ соотвѣтствующій ему звукъ «*з*». Таковы слова: желѣзо = залі͡ѣза; жемчугъ = зямчýх; жабрикъ = зя́брик; жабры = зѣ͡бры и въ пр.

Тоже наблюдается и въ звукѣ «*ш*». Хотя и рѣдко, но и онъ подпадаетъ подобнымъ измѣненіямъ, напр.: штрафовать = страховàть; шелушить = салушы́ть; шмыгать = смы́гать; бываютъ и обратныя превращенія звуковъ, напр.: шоссе = шашà; Саша = Шàша; салфетка = шалхві͡ѣтка; сошники = шашнікы́ и т. д.

Звукъ «*щ*», за исключеніемъ слова «щи», почти всегда соотвѣтствуетъ удлиненному и твердому звуку «*ш*» (*шш*), напр.: трещать = тряшшàть, трешшàть (и тращàть); стращать = трашшàть; тащить = ташшы́ть; тощій = ташшàвай; сущій = сýшшай; еще = ишшò; пуще = пýшша; щель = шші͡ѣль; щука = шшýка. Случаевъ же, когда звукъ «*щ*» замѣняется звукомъ «*ш*», очень мало, напр.: щавель = шàвель; ма-

ломощный = маламу̀ошнай и т. под. Встрѣчаемся и съ другого рода измѣненіями этого звука. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ звукъ «щ» превращается въ «ч», напр.: смущать = смучà̀ть; возвращать = варачà̀ть и пр.

Глава третья.

Формальныя особенности и черты мѣстнаго говора, выражающіяся въ падежныхъ измѣненіяхъ и степеняхъ сравненія.

Склоненіе именъ существительныхъ и именъ прилагательныхъ.

а) Красивый конь.

Ед. ч. им. красѝв-ай конь, род. красѝв-ава каня̀, д. красѝв-аму коню̀, в. красѝв-ава каня̀, тв. красѝв-ым канѐм, пр. на красѝв-ам каніѐ. *Множ. ч.* им. красив-аи ку̀они, р. красив-ых канѐй, д. красѝв-ым каня̀м, в. какъ род., тв. красѝв-ыми каня̀ми, пр. на красѝв-ых каня̀х.

b) Большой лѣсъ.

Ед. ч. им. бальшо̀й лі̀ес, р. бальшу̀ова лі̀еса, д. бальшу̀ому лі̀есу, в. какъ въ им., тв. бальшѝм лі̀еса̀м, пред. у (въ) бальшу̀ом лясу̀. *Мн. ч.* им. бальши-и, -ыя леса̀, р. бальших лясу̀ов, д. бальшѝм леса̀м, в. какъ им., твор. бальшѝми леса̀ми, пр. у (въ) бальшѝх леса̀х. Въ предл. пад. именъ существительныхъ довольно часто слышится «и», «я» или «ы» на мѣсто «ь», напр.: у̀ Яльцы̀ вм. въ Ельцѣ; на обѣдѣ = на' бі̀ѐдя; въ банѣ = у ба̀ни; въ омутѣ = у в' о̀матя; въ ригѣ = у ры̀ги; на небѣ = на нёби.

с) Маленькій муравей.

Ед. ч. им. ма̀линьк-ей мура̀вль, р. ма̀линьк-ива (-ява) мураля̀, д. ма̀линьк-иму (-яму) муравлю̀, в. какъ род., тв. ма̀линьк-им муравлѐм, пр. а (о) ма̀линьк-ям муравлі̀ѐ. *Мн. ч.* им.

мàлинькіи муравлѝ, р. мàлиньких муравлю̀ов, д. мàлиньким муравлям̀, в. какъ род., тв. мàлинькими муравлямѝ, пр. а (о) мàлинькихъ муравлях̀.

Широкое поле. Селеніе. Окно.

Ед. ч. им. ширу̀ок-ая по̀ля[1]), селѐнья, акну̀о̀,
род. ширу̀ок-ава по̀ля, селѐнья, акна̀,
дат. ширу̀ок-аму по̀лю, селѐнью, акну̀,
вин. ширу̀ок-аю по̀лю, селѐнью, акну̀о̀,
тв. ширу̀ок-им по̀лям, селѐньям, акно̀м,
пр. на ширу̀ок-ам по̀ли, селеньи, акніѐ.

Мн. ч. им. ширу̀окаи поля̀, селѐньи, о̀кны,
род. ширу̀о̀ких полѐй, селѐньяв, ако̀н,
дат. ширу̀о̀ким паля̀м, селѐньям, о̀кнам,
вин. какъ и род.,
тв. ширу̀о̀кими паля̀ми, селѐньями, о̀кнами,
пр. на ширу̀о̀ких паля̀х, селѐньях, о̀кнах.

Баба, хата, дыня.

Ед. ч. им. ба̀ба, ха̀та, ды̀ня,
род. ба̀бы и ба̀бя (у ба̀бя), ха̀ты (-я), ды̀ни,
дат. ба̀би (-я), ха̀ти (-я), ды̀ни,
вин. ба̀бу, ха̀ту, ды̀ню,
тв. ба̀бай, ха̀тай, ды̀ней,
пр. а (о) ба̀би (-я), ха̀ти (-я), ды̀ни.

Мн. ч. им. ба̀бы, ха̀ты, ды̀ни,
род. ба̀п, хат (-ей), ды̀нь (-ей), (камнатѐй вм. комнатъ),
дат. ба̀бам, ха̀там, ды̀ням,
вин. ба̀п, ха̀ты, ды̀ни,
тв. ба̀бами, ха̀тами, ды̀нями (-ими),
пр. а (о) ба̀бах, ха̀тах, ды̀нях.

---

1) Надо замѣтить, что въ мѣстномъ говорѣ не существуетъ средняго рода им. сущ.; вездѣ его замѣняетъ женскій родъ, напр., говорятъ *сла̀ткая яблака* вм. сладкое яблоко, *багатая имѐнья* вм. богатое имѣніе.

Темная ночь, умная дочь.

Ед. ч. им. тёмная нòчь, ỳмная дòчь,
род. тёмнай нòчи, ỳмнай дòчири,
дат. тёмнай нòчи, ỳмнай дòчири,
вин. тёмнаю нòчь, ỳмнаю дòчь,
тв. тёмнаю нòчью, ỳмнай дòчирью и -черью,
пр. ва тёмнай начѝ (нòчи), ỳмнай дòчири (-ери).
Мн. ч. тёмнаи нòчи, ỳмнаи дòчири (-ери),
род. тёмных начѐй, ỳмных дачерѐй,
дат. тёмным начàм, ỳмным дачерям,
вин. тёмнаи нòчи, ỳмных дачерѐй,
тв. тёмными начьмѝ (-ами), ỳмными дачарьмѝ,
пр. ва тёмных начàх, ỳмных дачерях.

Склоненіе именъ числительныхъ.

Одинъ. Два. Оба.

Ед. ч. им. муж. адѝн, ж. аднà, ср. какъ жен.
род. м. аднагò, ж. аднэ̀й (-ой), ср. какъ жен.
дат. м. аднамỳ, ж. аднэ̀й (-ой), ср. какъ жен.
вин. м. аднагò, ж. аднаѐ и аднỳ, ср. какъ жен.
тв. м. аднѝм, ж. аднэ̀й (-ỳ̀й), ср. какъ жен.
пр. м. аба' днỳ̀м, ж. аба' днэ̀й, ср. какъ жен.
Мн. ч. им. адни — по всѣмъ родамъ, род. аднѝх, дат. аднѝм, вин. аднѝх и пр. аба' днѝх.
Два — м. им. два, ж. двіѐ, ср. —, род. двỳх —, д. двỳм, в. двух, тв. двỳми, пр. а двỳх.
Оба — им. абỳ̀и — по всѣмъ родамъ, род. абỳ̀их, д. абỳ̀им, в. абỳ̀их, тв. абỳ̀ими, пр. на' бỳ̀их.

Склоненіе мѣстоименій.

Я; ты; онъ; тотъ; этотъ; кто и что.

Ед. ч. им. я, ты; р. менѐ, тебѐ; д. мніѐ, табіѐ; в. менѐ, тебѐ; тв. мнỳ̀й, табỳ̀й; пр. а мніѐ, а табіѐ и — тебѐ.

Им. м. ѐн, ж. анà; р. егѐ (ягѐ), ж. ѐй, нѐй; д. м. ямў, ймў, ж. ей; вин. м. егѐ (ивѐ), ж. еѐ; тв. м. ѝм, ж. ѐй, нѐй; пр. а нѝѐм, ней.

Множ. чис. анѝ — по всѣмъ родамъ, остальные падежи сходны съ обычными грамматическими формами.

Им. тотъ, ж. тà; р. тагѐ и тавѐ, ж. тэ́й (той); тагѐ и тавѐ, ж. тў и таѐ, тв. тіѐм, ж. тэ́ю, предл. а тў̀м, ж. а тэ́й.

Мн. чис. и. тіѐ, р. тіѐх, д. тіѐм, в. тіѐх, тв. тіѐми, пр. а тіѐх.

Этотъ — и. м. э̀тат и э̀нтат (іѐнтат), ж. э̀нта, іѐта, э̀та, р. м. э̀тăвá, э̀нтăвă, ж. э̀нтай (и іе, іе), д. э̀таму, э̀нтаму, ж. э̀нтай (іе, іе), в. э̀тава, э̀нтава, ж. э̀нтаю (іе, іе), тв. э̀нтим, э̀нтаю (іе, іе), пр. аб э̀нтам, ж. аб э̀нтай (іе, іе).

Мн. ч. э̀нти, р. э̀нтих, дат. э̀нтим, в. э̀нтих, тв. э̀нтими, пр. аб э̀нтих.

Кто, что = им. хто, штѐ и щѐ, р. кагѐ, кавѐ, чёвѐ и чйвѐ, д. камў, чамў и чймў, в. кагѐ и кавѐ, в. штѐ, щѐ, тв. кіѐм, чіѐм, пр. а кў̀м, а чў̀м.

Степени сравненія.

Окончанія сравнительной степени въ мѣстномъ говорѣ значительно отступаютъ отъ обычныхъ грамматическихъ формъ. Для примѣра возьмемъ нѣсколько словъ: малый въ ср. ст. = мѐня; большой = бў̀ля и пабаля́хней; дурной = хў̀жа; хорошій = лў̀чча и лў̀ччи; богатый = багà̀ча и багачіѐя, черный = чарніѐя и т. д. Превосходная степень всегда обозначается суффиксомъ «*шш*», напр.: висў̀чишшай (весьма высокій), багà̀тишшай (очень богатый), сѝльнишшай (очень сильный) и т. д.; или образуется сложно черезъ прибавленіе къ положительной степени словъ «дю̀жа», «дабріѐ» (ср. малорусск. дѐбрē), напр.: дю̀жа харў̀ш, дю̀жа чижѐл (очень тяжелъ), дабріѐ великà̀тян (очень гордъ), дабріѐ тѐлст (очень толстъ) и т. д.

Глава четвертая.

Оттѣнки и черты мѣстнаго говора, выражающіеся въ спряженіяхъ глаголовъ.

Идти, работать, писать, дарить, ходить.

Ед. ч. 1 л. идȕ, рабȕо̀таю, пишȕ, дарю̀, хажȕ,
2 л. ѝдишь, рабȕо̀таишь, пѝшишь, дȕо̀ришь, хȕо̀дишь,
3 л. ѝдя, рабȕо̀тая, пѝша, дȕо̀ря, хȕо̀дя.
Мн. ч. 1 л. ѝдим, рабȕо̀таим, пѝшим, хȕо̀дим, дȕо̀рим,
2 л. ѝдитя, рабȕо̀таитя, пѝшитя, хȕо̀дитя, дȕо̀ритя,
3 л. идȕть, рабȕо̀тают, пѝшуть, хȕо̀дют, дȕо̀рют.

Дремать, глядѣть, шумѣть.

Ед. ч. 1 л. дря̄млю̀, гляжȕ, шумлю̀,
2 л. дрѐмӣшь, глядѝть и гля̄дѝшь, шумѝшь,
3 л. гля̄дѝть и гля̄дѝшь, шумѝть, дрѐмля.
Мн. ч. 1 л. гля̄дѝм и гля̄дѝм, дрѐмим, шумѝм,
2 л. гля̄дѝтя и глядѝтя, дрѐмитя, шумѝтя,
3 л. дрѐмю̄ть, гледя̀, -ять, гля̄дять, шумя̀, -ть.

Печь, сѣчь.

Ед. ч. 1 л. пя̄кȕ, ся̄кȕ и пя̄кȕ, ся̄кȕ,
2 л. пѐкѐшь, сѐкѐшь и пя̄кѐшь, ся̄кѐшь,
3 л. пѐкѐ, сѐкѐ, -ѐть и пя̄кѐть, ся̄кѐть.
Мн. ч. 1 л. пѐкѐм, сѐкѐм и пя̄кѐм, ся̄кѐм,
2 л. пѐкѐтя, сѐкѐтя и пя̄кѐте, ся̄кѐте,
3 л. пя̄кȕть, ся̄кȕть и пя̄кȕть, ся̄кȕть.

Нести, вести, цвѣсти.

Ед. ч. 1 л. ня̄сȕ, вя̄дȕ (ня̄сȕ, вя̄дȕ), тва̄тȕ (твитȕ),
2 л. нѐсѐшь, ведѐшь (нисѐшь, видѐшь) тветешь, тва̄тѐшь,
3 л. нѐсѐ, вѐдѐ, -ѐть, -ѐть, твѐтѐ, -ѐть (тва̄тѐть).
Мн. ч. 1 л. нѐсѐм, вѐдѐм, твѐтѐм (твитѐм),

2 л. нёсѐтя, вёдѐтя, твётѐтя (твитѐтя),
3 л. нясу̀ть, вяду̀ть, твя̀ту̀ть (твиту̀ть).

Смѣяться, собираться, подниматься.

Ед. ч. 1 л. смя̀ю̀сь, са̄бӣра̀юсь, па̄днӣма̀юсь (-я),
2 л. смёѐсси, -іѐсси, са̄бӣра̀исси, па̄днӣма̀исси,
3 л. смёѐтца, -іѐтца, са̄бӣра̀итца, па̄днӣма̀итца.
Мн. ч. 1 л. смёѐмси, -іѐмси, са̄бӣра̀имси, па̄днӣма̀имси,
2 л. смёѐтися, -іѐтися, са̄бӣра̀итися, па̄днӣма̀итися,
3 л. смя̀ю̀тце, -ію̀тца, са̄бӣра̀ютца, -тцуть, па̄днӣма̀ются и -ютцуть.

Для бо́льшаго ознакомленія съ описываемымъ говоромъ намъ нужно нѣсколько еще остановиться на причастныхъ формахъ и отчасти на *неопредьл. наклоненіи*. Возьмемъ для примѣра глаголы: идти, работать, играть, плакать, смѣяться, испугаться; по мѣстному: итѝть, рабу̀̀тать, пла̀кать, рабу̀̀тать и робѝть, смея̀тца, рыда̀ть, испужа̀тца. Въ пѣсняхъ же окончаніе *ть* переходитъ въ *ти*, такъ что получается какъ бы древнеславянская форма неопр. накл.: пла̀ка-ти, лежа̀ти, лета̀ти и т. д. *Причастіе* отъ глаголовъ лежать, ползать, сидѣть, висѣть: лежа̀чей, пазу̀чей, сидя̀чей, вися̀чей.

Въ *дѣепричастной* формѣ мы наблюдаемъ ассимиляцію звуковъ, напр.: нахадѝмшись (вм. находившись), напла̀камшись (вм. наплакавшись), насмія̀мшись (вм. насмѣявшись), нарыда̀мшись (вм. нарыдавшись), заблужо̀мшись (вм. заблудившись) и т. д.

Глава пятая.

Мѣстныя особенности говора.

Изъ общихъ особенностей, характеризующихъ нашъ мѣстный говоръ, можно указать на то, что говоръ нашъ въ нѣкоторыхъ географическихъ пунктахъ отличается чрезвычайной растянутостью или пѣвучестью. Чѣмъ это явленіе объяснить? Флегматичностью ли характера, ненаходчивостью или неподвижностью

мысли, или же врожденной привычкой намѣренно и машинально замедлять темпъ своей разговорной рѣчи? Можно съ вѣроятностью предположить, что одни изъ сельчанъ, подлежащихъ этой категоріи говора, медлительно или растянуто говорятъ по природѣ,—по унаслѣдованію этой привычки отъ своихъ отцовъ или домашнихъ сочленовъ, другіе просто по привычкѣ, а нѣкоторые, быть можетъ, изъ безсознательнаго подражанія, подчиняясь общему складу говора своихъ же сочленовъ, въ кругѣ которыхъ они всегда вращаются. И здѣсь опять-таки намъ необходимо оговориться. Говоря о растянутости рѣчи нѣкоторыхъ сельчанъ, мы ограничиваемъ ее лишь кругомъ старыхъ поколѣній. Новыя молодыя поколѣнія, воспитавшіяся при иныхъ условіяхъ жизни, наоборотъ отличаются ускореннымъ темпомъ разговорной рѣчи, безсознательно, а, быть можетъ, и сознательно подражая въ этомъ отношеніи той средѣ, гдѣ имъ приходится проживать бо́льшую часть своей жизни, — въ средѣ школьной обстановки и бойкой городской жизни придонскихъ промышленныхъ губерній. Ужъ по самому естественному свойству «бывалыхъ людей» лица новаго молодого лагеря должны были выработаться во многихъ отношеніяхъ по новому образцу. Смѣлость, увѣренность въ себѣ, хвастовство манерами и привычками, заимствованными вчужѣ, желаніе показать изъ себя именно «бывалаго человѣка» наложили и особый отпечатокъ на ихъ манеры разговорной рѣчи, отличающейся нѣкоторою изысканностью и ускореннымъ темпомъ. Такая противоположность манеръ говора замѣтна при самомъ бѣгломъ поверхностномъ наблюденіи. Приведемъ нѣсколько словъ для характеристики манеръ разговорной рѣчи того и другого лагеря: хӯда̄шша̀вай и хӯодо̀й; нӣ зна̀ю и нӣ зна̀ю̆; ча̄го̄̀ (че̄го̄̀) и чӣво̀; що̄о̄̀ и што̀, что; пе̄е̄̀ и пӑе̄̀ть; де̄̀се̄ть и дѐсӣть; ча̄сы̀ и чӣсы̀; бе̄да̀ и бӣда̀ и т. д.

Разсматривая частнѣе затронутый нами вопросъ, мы можемъ отмѣтить цѣлый рядъ типическихъ особенностей, такъ или иначе характеризующихъ нашъ мѣстный говоръ. Изъ этихъ особенностей прежде всего бросается въ глаза интересное употребленіе

иностранныхъ словъ. При этомъ вообще замѣчается стремленіе облегчить произношеніе вставкой или замѣной гласныхъ, (въ большинствѣ случаевъ) слоговыми сокращеніями или измѣненіями или, наконецъ, сознательными превращеніями въ мѣстныя слововыраженія. Для примѣра мы приведемъ нѣсколько словъ: митрополитъ по мѣстному ин'трипилѝть; касса=кàссыя; танецъ=тàнцыя; такса=тàксыя; хоругви=ерòхвеи; театръ=кія̀хтра и кія̀хтрія; вакансія=акàнцыя; архіерей=алхиріѐй; Іисусъ=Сӯс; антихристъ=ан'чѝхряст; секретарь=сле(я)катàрь; ветеринаръ=венерàръ; докторъ=дòхтуръ; адвокатъ=аблакàтъ; ревматизмъ=лиман'дрѝстъ и раман'тѝстъ; Университетъ=Ниситіѐръ и Ниситіѐтъ; студентъ=стюдѐнть; фонтанъ=хвантàл; шоссе=шашà; характеръ=тарàхтуръ; претензія=припѐнзія; карусели=куралиѐсы (куралесить или курамесить на простонародномъ языкѣ означаетъ шумно и весело проводить время въ попойкахъ, играхъ и весельи); литература=ритатӯй (мѣстное слово, взятое изъ частушекъ-складушекъ[1]) и перенесенное на слово «литература»); монополія=винапӯòйла (винопойла)—пойлой у насъ называютъ помои, смѣшанныя съ мукой, которыми откармливаютъ скотъ, а затѣмъ вообще мѣсто, гдѣ поятъ скотъ. Остроумное сопоставленіе этого рода «пойла» съ винной «пойлой»!

Впрочемъ, бываютъ случаи, когда иностранныя слова, проходя сквозь призму мѣстнаго говора, остаются безъ измѣненія, напр.: дубликàтъ (—), публѝчн-ай—въ этомъ словѣ только окончаніе *ый* переходитъ въ *ай*; капиталѝстъ (—) и проч.

Даже самыя коренныя русскія слова изъ того же стремленія *упростить произношеніе* также часто намѣренно и вполнѣ сознательно измѣняются, напр.: гдѣ—по мѣстному йгдіѐ и йдіѐ; неужели=нѝшь и нюжлѝ; куда=кудЫ; сюда=судЫ; откуда=аткѐдава и аткѐлйва; отсюда=атцѐдава и атсѐлива (ат-

1) Частушки-складушки (отъ слова *частить*, т. е. говорить быстро, подъ ладъ частыхъ тактовъ музыки)—это плясовыя пѣсенки, состоящія изъ одного четырехстишія.

цѣля); вѣдь = вѝть; или = алѝ ѝ ай; иногда = ѝнда; некогда = нiѣкали; когда = калѝ; навстрѣчу = нустрiѣчь; почти = пащѝ и паштѝ; дѣйствительно = двиствѝтельна и двистѝтельна; вообще = ўвѣпчiѣ; безпрестанно = бѣс'перечь; нѣтъ = нiѣтути; крестины = кстѝны; ярмарка = ярманка; пристань = прѝсталь; морковь = морквà; грязь = грязà; встрепенуться = стряпыхнўтца; намѣреваться = намирàтца; поздравлять = спраздравлять; нравъ = ндрàвъ; извинять = низвинять; звукъ = зўкъ; жабрикъ = зябрикъ; облако = балачѣкъ; борщъ = барщà; мощи = машщà; журавль = журавѣль; муравей = мурàвль; корабль = карабѣль; конопля = канапѣль; сонмище = сой'мишща; крапива = кастрѝка; пламя = пòлымя; тысяча = тыща; хрупкій = крòпкій; управлять = правдàть; быть можетъ это послѣднее слово образовалось отъ коренного «правда»; такъ что по смыслу выходитъ: правдàть — правдиво, справедливо управлять, управлять по закону, по совѣсти, отсюда — правдàть.

Для той же цѣли, т. е. для удобства произношенія довольно часто два слова намѣренно соединяются въ одно. Получается едва замѣтная для посторонняго наблюдателя элизія, напр.: вотъ онъ = вòн'ан; какъ будто = ка'бы́сть.

Мы уже упоминали, что сельчане нашего района измѣняютъ воспринятыя или иностранныя слова вставкой гласныхъ звуковъ. То же слоговое растяженіе или удлиненіе замѣчается и въ русскихъ словахъ, напр.: послѣ = ăпăсля и пасля; всегда = ўсягды и завсягда (навсягдà); кромѣ = акрамя (говорятъ и апрѝчь и апрѝчи вм. акрамя; послѣднее болѣе употребительно); побольше = пабаляхней; тощій — ташшàвай; земскій = зѣмацкай; средство = срѣствія; жребій = жѣрѣбей; льстить = уляшшàть; вишня = вѝшшаникъ; вторникъ = втўòрник и автўòрник; среда = середà; всенощная = авсiѣпашная; ржаной = аржанòй; пшеничный = пашанѝшнай; молнія = маланья; громъ = грòмушка и проч.

Точно такой же участи измѣненія подвергаются и собствен-

ныя имена странъ и городовъ. Въ устахъ сельчанъ въ данномъ случаѣ выражается тоже стремленіе къ произношенію словъ въ болѣе упрощенномъ видѣ и именно въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ удобнѣе и легче произнести. И тутъ, какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, допускается то сокращеніе, то удлиненіе или вообще какое либо слоговое измѣненіе, напр.: Черниговъ = Чернѣв; Петербургъ = Питинбу̀рх и Петярбу̀рх; Саратовъ = Сара̀тай и Сара̀тавая; Кавказъ = Капка̀с; Турція = Турѐтчина; Томскъ = То̀мская (То̀нская); Кіевъ = Кѐева; Курскъ = Ку̀рская; Новочеркасскъ = Ну̀вая Чиркасская; Землянскъ = Земля̀нка; Задонскъ = Задо̀нская; Острогожекъ = Астрагу̀льская.

То же явленіе наблюдается и въ именахъ собственныхъ личныхъ, напр.: Владиміръ = Валадѝмяр; Ѳома = Хама̀; Ѳролъ = Хру̀л; Евдокимъ = Алдакѝм; Евлампій = Лахвѐн; Ипатій = Алпа̀тъ; Іосифъ = О̀сикъ и О̀сипъ; Евфросинія = Апрасѝнья; Ѳеодора = Хведо̀ра; Ѳеоктистъ = Хвяклѝс; Давидъ = Давы̀т; Валерьянъ = Аверья̀н; Илларіонъ = Ралива̀н и др.

Иногда допускаются глагольныя сокращенія. Чаще всего это замѣчается въ частушкахъ-складушкахъ, гдѣ по требованію стихотворнаго размѣра необходимы бываютъ соотвѣтственныя глагольныя сокращенія, напр.:

Ву̀т табіѐ калиѐна,
Ву̀т табіѐ друга̀я,
Ху̀шь лю̀бишь, ху̀шь ніѐт,—
Ву̀т табіѐ пша̀я...

И въ разговорной рѣчи нерѣдко можно наблюдать такое же явленіе; такъ, говорятъ вѝшь вм. видишь, падѐм вм. пойдемъ, гля̀-ка и глѐ-ка вм. гляди-ка и т. д.

Глава шестая.

Мелкія явленія изъ области мѣстныхъ особенностей.

Теперь нѣсколько остановимся на мелкихъ явленіяхъ мѣстныхъ особенностей говора.

Увеличенность предметовъ обыкновенно выражается вставкой суффиксовъ: *як — ак, иш — ин*, напр.: саня̀ки (большія сани), дубя̀ка (большой дубъ), дамя̀ка (большой домъ), тяліе̯жа̀ка (большая телѣга), здару̀овишшай (очень большой), длѝннишшай (очень длинный), хварабѝшша (очень тяжкая болѣзнь), плятнѝна (большой плетень), травѝна (высокая, густая трава), курянѝна (очень большой курень) и т. под.

Для бо́льшей выразительности въ разсказѣ, а также для обозначенія силы извѣстнаго дѣйствія къ словамъ прибавляются частицы вродѣ *альнѝ* и *ильнѝ*, а также *аш*. Приведу нѣкоторыя выраженія для примѣра: «Тру̀ойкя пракатѝла, ильнѝ (альнѝ) пыль сталбо̀м пашла̀». Или: «Гро̀мушка (громъ) такъ дю̀жа (сильно) гро̀хнула, аш ако̀шки задража̀ли».

Довольно часто встрѣчаются и другія частицы вродѣ *та̀, тя̀, бѝшь* и др., напр.: «Какъ бишь его звать?» Вѣроятно «*бишь*»— сокращенное «баишь» (говоришь). И еще: «Он-та или э̀нтат-та бальшо̀й празу́ка» (дошлый, пройдоха); анѝ-та бы̀ли зався̀гда багачѝ». Частицы «ну̀-тя», «на̀-тя» употребляются при обращеніи къ нѣсколькимъ лицамъ.

Въ моментъ забывчивости или разсѣянности многіе весьма часто употребляютъ въ разговорной рѣчи вводныя частицы вродѣ *тавò-патавò* или *таѐ*, и даже цѣлыя вводныя выраженія, напр.: «ана̀ бы... тае... пара̀ за діѐла бра̀тца», или «ну какъ таго... тваи діѐла-та пра таго̀»...; и еще: «ана̀ ка'бы сказать... ничего, а сё-такѝ таѐ»...

Также очень употребительны частицы *ѝш* и *а̀н*, напр., одинъ говоритъ: «Пятру̀ха ѝдя», другой возражаетъ: «а̀н ніѐт, а эта Ягу̀ор». Частица *иш* употребляется послѣ какихъ-нибудь особен-

ныхъ сильныхъ впечатлѣній, напр.: «ѝш какой он мàлай абразавàлси!» «Иш какòй он хѝтрай!» «Иш ты на штȳò намекàя» (намекаетъ). Вѣроятно, эта частица образовалась изъ сокращенной глагольной формы — видишь, вишь, ишь.

Говорливые крестьяне, любящіе, такъ сказать, пофилософствовать, поразсуждать, никогда сразу не начинаютъ рѣчь на данную тему, а непремѣнно начинаютъ ее съ какихъ-нибудь постороннихъ выраженій, повидимому, совсѣмъ не идущихъ къ дѣлу, а въ самомъ дѣлѣ по понятію собесѣдниковъ подкрашивающихъ рѣчь, придающихъ извѣстный вѣсъ и достоинство рѣчи. Такъ они заговариваютъ въ такомъ родѣ: «патамȳ анà кàк скàжим»... (а затѣмъ ужъ начинаютъ излагать свое сужденіе объ извѣстномъ предметѣ), или: «ана ка'бы па твȳòиму сказать»..., или: «х примѣру гаварѝтца, брàтяц ты мȳòй»...

Слова «говорить» и «молвить» въ 3 л. ед. чис. наст. вр., когда передается чужая рѣчь, всегда сокращаются въ произношеніи, такъ что получаются формы: гы̀рть и мòл(ы)ть или мòлы̀ть (звукъ *ы* едва слышно) вм. молвитъ, говоритъ.

Отрицаніе *не* произносится не одинаково. Въ устахъ старыхъ поколѣній чаще всего можно слышать чистое *не* и рѣдко *ня*, напр.: не видàл и ня видàл; не слыхàл и ня слыхàл; а молодыя поколѣнія измѣняютъ его въ *ни* — ни вѝдàл, ни слы̀хàл, ни знàю, ни мàгу и т. д.

Если слѣдующее слово послѣ отрицательной частицы *не* начинается съ звука «*у*» или «*в*», то происходитъ одновременно слія-ніе и смягченіе «*у*» въ «*ю*», напр.: не взирала произносится какъ бы за одно слово н'юзирàла; не увидала=н'ювидàла; не узнала=н'юзнàла. Чаще всего это явленіе можно встрѣтить въ пѣсняхъ и частушкахъ.

Склонность къ самымъ *неумѣстнымъ* отступленіямъ отъ общепринятаго произношенія словъ замѣчается довольно часто, напр., слово «вихрь» произносится твердо и съ особымъ слоговымъ растяженіемъ — вѝхар; тогда какъ слово «хуторъ» произносится наоборотъ со смягченіемъ: хȳтарь. Тоже самое наблюдается въ

словахъ: аминь и полынь. Эти слова въ мѣстномъ произношеніи употребляются безъ смягченія: амѝн, палы̀н.

Въ силу указанной склонности къ разнымъ отступленіямъ отъ обычныхъ фонетическихъ формъ нѣкоторыя слова произносятся гораздо мягче, чѣмъ это слѣдовало бы ожидать. Отсюда мы видимъ положеніе болѣе мягкихъ гласныхъ на мѣстѣ менѣе мягкихъ гласныхъ, напр., вмѣсто «девять» говорится дѣвѣ̄ть и дѣвить; пятачекъ = пѣта̄чѣ̀к и питачѣ̀к; святой = свѣ̄то̀й и свито̀й; ничего = нѝчѣ̄го̀ и ничѝво̀; часы = ча̄сы̀ и чѝсы̀; разсвѣтаетъ = ра̄с̀с̀вӣта̀я и ра̄с̀с̀вита̀ить; поросенокъ = персёнак; высокій = вису̀̆ко̀й; жабрикъ = зя̀брик; вѣдь = вѝть и т. д.

При ругательствахъ, вѣроятно, для бо̀льшей энергичности и звучности словъ начальные согласные звуки обыкновенно удваиваются при произношеніи, напр.: «ах *дд*амаво̀й тебѣ ра*шш*ибѝ-та»! или: «ну̀ тебѣ̀ у *бб*алу̀̆го̀у»!, «ну тебе *упп*лесу (*пп*лесаву̀я)».

Предлогъ «*въ*» подвергается всевозможнымъ измѣненіямъ, смотря по тому, съ какими звуками онъ непосредственно соединяется. Такъ въ разговорной рѣчи его замѣняетъ предлогъ «*у*», напр.: въ сараѣ = у сара̀и; въ ригѣ = у ры̀ги; въ домѣ = у до̀ми и у до̀мя. Впрочемъ, иногда предлогъ «*въ*» уживается рядомъ съ предлогомъ «*у*», напр.: въ избѣ = у в'избіѐ; въ амбарѣ = у в'анба̀ря, -ри; въ ометѣ = у в'амѐтя, -ти; въ омутѣ = у в'до̀матя, -ти и т. д. А въ пѣсняхъ предлогъ «*въ*» принимаетъ разный видъ, соединяясь съ тѣми или другими непосредственно слѣдующими за нимъ гласными звуками, напр.: въ городѣ — поется вы-гара̀дя, -ди; въ садочку = ва-, вы садо̀чкю; въ клѣточкѣ = ва кліѐтачки; въ терему = ва терямў и ва тѐриму и т. д.

Предлогъ «*на*» при встрѣчѣ съ гласной «*у*» обрзуетъ промежуточное «*в*», такъ что получается на в'у̀лицы вм. на улицѣ; на в'у̀ха вм. на̀ ухо; нав'учѝть вм. научить.

Нерѣдко можно встрѣтить ассимиляцію согласныхъ звуковъ, напр.: визжать = вижжа̀ть, возжи = во̀жжи; сшить = шшить; сошники = шашники́ и т. под.

Для выраженія сильной степени или продолжительности извѣстнаго дѣйствія употребляются нераздѣльныя выраженія, вродѣ слѣдующихъ: му̀ка-мучинская (очень сильная мука), горя-гарямы̀шная (сильное горе), грясь-гря̀зью (страшная грязь), день-деньско̀й (весь день), ночь-но̀чинскую (всю ночь на-пролетъ), зи̇му-зи̇мскую (всю зиму) и т. д.

Иногда встрѣчаются интересныя слоговыя перемѣщенія или перестановки въ нѣкоторыхъ словахъ (μετατέσις), напр.: медвѣдь = вядміѐть; Ломовѐцъ (названіе села) = Малавѐц; карусели = кураліѐсы; Илларіонъ = Раливўо̀н; магазинъ = гамази̇н и гамазѐй; холера = харіѐла и т. д.

Въ большомъ употребленіи также звукоподражательныя слова, напр. чва̀кать (жевать), шурша̀ть (производить шорохъ), брыка̀ть (бить ногами), тюлюлю̆о̀кать (кричать «тюлё̀»), жвы̀кнуть (ударить; ударъ разсѣкаетъ воздухъ, отъ чего получается звукъ на подобіе «жвыкъ»), жвындіѐть (жужжать, издавать звукъ «жвын...», чурю̀кать или свиристіѐть (выражаются о звукахъ сверчка) и т. п.

Можно еще, наконецъ, отмѣтить, что въ мѣстномъ говорѣ и до сихъ поръ сохранились, такъ сказать, нѣкоторые осколки или обломки древнерусскаго языка, напр.: вяльмўо̀ (вельми̇), лю̀тай (лю̀та), такма̀ (токмо), каё̀ (кое); встрѣчаются еще древнерусскія окончанію *ти*, *чи*, напр.: и̇ду-*чи*, си̇дю-*чи*, пла̀ка-*ти*, ходи̇-*ти*, лета̀-*ти* и др.

Этими замѣчаніями я пока и позволю себѣ закончить настоящій очеркъ.

Составилъ **Владимиръ Тростянскій.**